

© 2020 г.

А.В. ГЛУХОВА, О.А. СИДЕНКО, Д.В. СОСУНОВ, Д.В. ЩЕГЛОВА

В ПОИСКАХ ЖЕЛАЕМОГО БУДУЩЕГО – РОССИЙСКАЯ ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТКА ДНЯ

ГЛУХОВА Александра Викторовна – доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой (soc@hist.vsu.ru); СИДЕНКО Ольга Анатольевна – кандидат политических наук, доцент (soc@hist.vsu.ru); СОСУНОВ Денис Владимирович – кандидат политических наук, доцент (soc@hist.vsu.ru). Все – кафедра социологии и политологии, Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия; ЩЕГЛОВА Дарья Владимировна – кандидат политических наук, научный сотрудник, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия (dshcheglova@hse.ru).

Аннотация. Представлены результаты общероссийского экспертного опроса на тему «Внутриполитическая повестка дня как фактор единства современной России». Авторы анализируют представления 54-х участников экспертного опроса о желаемом будущем для России и проблемах формирования общенационального единства. Внутриполитическая повестка рассматривается как состоящая из официальной (правительственной), гражданской (со стороны гражданского общества) и общественной («народной») повестки – общественного запроса к власти. Отмечается рассогласование правительственной и общественной повесток. Авторы констатируют слабость конвертации форм внутриполитической повестки в единый внутриполитический курс, рассматривая отсутствие социального и ценностного единства как угрозу целостности России. Эксперты, вне зависимости от возраста и статуса, солидарны в признании того, что в России отсутствует консолидированная внутриполитическая повестка.

Ключевые слова: внутриполитическая повестка дня • официальная повестка • гражданская повестка • общественная повестка • конвертация повесток • экспертный опрос

DOI: 10.31857/S013216250008493-5

Постановка проблемы. Вопрос об образе желаемого будущего и о путях его формирования – один из центральных в современном научно-политическом дискурсе. Для любого общества существование привлекательной перспективы является мощным мобилизирующим и консолидирующим фактором.

Многие ученые рассматривают проблематику исторической перспективы в рамках философско-интеллектуальной интерпретации. И.В. Желтикова подчеркивает: «В модели будущего мы имеем дело с мыслительным аналогом социальной реальности, ассоциированным с будущим» [Желтикова, 2013: 76]. Появляются работы, анализирующие ключевые тренды реализации образа страны в стратегиях развития регионов России [Романова, 2017]. В создании более четкого образа будущего приняли участие и участники исследовательского проекта «Российское общество-2020: экспертный образ будущего», реализованного ИС РАН и Исследовательской группой ЦИРКОН в июле–октябре 2015 г. [Задорин и др., 2016].

Социологические опросы и фокус-группы фиксируют растерянность населения, его неуверенность и боязнь будущего. Это актуализирует вопрос о степени проработки образа будущего, о том, является ли он квинтэссенцией общественного запроса или конструктом, выражающим потребности элит. Особую значимость приобрел вопрос о наличии/отсутствии у российского правящего класса волевой установки, целеполагания, внятной стратегии движения к «желаемому завтра».

Общее мнение экспертов на этот счет, скорее, скептическое: «Состояние российского общества на сегодняшний день устойчивое, однако отсутствие у власти стратегического видения будущего может привести к драматическим последствиям», – такова констатация ситуации ведущими столичными экспертами весной 2017 г. [Демиденко, 2017: 25]. Как полагает М.Ф. Черныш: «Надо определиться с будущим: что мы хотим получить? Какую страну? <...> Мне кажется, что власть намеренно избегает такого разговора с населением для того, чтобы никак себя ничем не связывать» [там же: 35]. Другие эксперты часто соглашались, что у страны нет повестки будущего.

Летом 2019 г. исследовательской группой Воронежского госуниверситета (рук. проф. А.В. Глухова) был проведен экспертный опрос¹ о внутриполитической «повестке дня» современной России 54-х экспертов из 19-ти регионов России (20 участников опроса представляли столичный и 34 – региональный уровень²). Экспертами выступили работники академической сферы (46), консалтинговых структур (5) и органов государственной власти (3). 31 эксперт имел звание доктора, 19 – кандидата наук (преимущественно политических). Старшая и средняя возрастные группы экспертов (старше 45 лет) составили 28 человек; до 45 лет – 26 человек.

Образ будущего: квинтэссенция общественного запроса или политехнологический конструкт, выражающий потребности элит? Ответы экспертов свидетельствуют, что этот вопрос оказался для них непростым. Значимое большинство (2/3) экспертного сообщества солидарно: проработанного образа общенационального будущего у России на данный момент нет.

Фиксируя ответственность политического класса, эксперты считают, что конкретики в образе будущего правящая элита не имеет. Более того, сформировано два желаемых образа будущего: «Один – для “внутреннего”, а другой для “внешнего” потребления. Они весьма настойчиво навязываются населению и небезуспешно предлагаются мировому сообществу» (руководитель кафедры столичного вуза, д. полит. н., СЗФО). Тем самым подчеркивается политехнологический характер этого конструкта: «это – живая политехнология, общество слишком противоречиво в своих притязаниях»; «это – конструкт элит, причем популистского характера». По мнению экспертов, власть и не стремится конкретизировать содержание и контуры образа «желаемого завтра», преднамеренно оставляя его расплывчатым и во многом мифологизированным: «Образ сформирован политической элитой, представляющей правящую группировку. Он учитывает общественные настроения, в том числе расплывчатость желаемого образа сильной России, идущей по особому пути» (профессор регионального вуза, д. ист. н., ПФО).

Контрэлиты и приверженцы ценностей открытого общества пытаются сформировать свои альтернативы внутриполитической повестки в виде «“работающих” институтов, правового государства и гражданского общества; страны, проводящей миролюбивую политику и признанной равноправным политическим партнером». Однако влияние этого сегмента общества на внутриполитическую повестку маргинально.

В массовом сознании образ желаемого будущего пребывает в размытом, аморфном состоянии и связан преимущественно с ренессансом советского прошлого. «Именно

¹ Опрос проходил на анонимной основе как в классическом формате заполнения «бумажной» анкеты, так и посредством сервиса Google forms с последующим генерированием данных в Google tabs и сводным анализом в Google analytics.

² Представительство по федеральным округам: Центральный – 28; Северо-Западный – 6; Южный – 6; Приволжский – 8; Уральский – 2; Сибирский – 2; Дальневосточный – 1.

советское прошлое, памятное среднему и старшему поколению россиян, остается единственным социальным опытом, с которым они могут сравнивать сегодняшнюю реальность, и далеко не в пользу последней» (доцент кафедры регионального вуза, к. полит. н., ПФО). Ответ одного из экспертов суммирует приведенные выше оценки: «Сформированный образ желаемого будущего нашей страны остается вопросом перспективы. По-прежнему имеется более чем острый дефицит социальной справедливости, а также ориентированной на интересы большинства нации и социал-демократической по своей сути политики (прежде всего внутренней) государства в ключевых сферах жизнедеятельности и развития» (профессор регионального вуза, д. полит. н., ЦФО). Эксперты фиксируют отсутствие в России реального разделения властей, маловлиятельность и фактическую однопартийность парламента, трансформацию бюрократии в разрастающийся привилегированный слой, слабость гражданского общества в качестве равноправного партнера государства.

Неутешительна и социальная ситуация: «Средний класс на фоне явной бедности социального большинства малочисленен (менее 30%), имеет тенденцию к дальнейшему сокращению. Велики диспропорции в уровне развития, финансовой состоятельности и качестве жизни в городах федерального значения и субъектах РФ. Социальная сфера жизни (и прежде всего образование, здравоохранение, пенсионная система, ЖКХ) на протяжении многих лет поражены квазиреформами луддитского формата» (профессор регионального вуза, д. полит. н., ЦФО). Ситуацию осложняет непрофессионализм в сфере управления на разных уровнях, включая федеральный, а также отсутствие полноценных обсуждений в СМИ. Таким образом, образ желаемого будущего представляет собой размытый политико-технологический конструкт, выражающий идеологемы господствующих кланов и элит.

Что препятствует формированию образа желаемого будущего? По мнению экспертов, существует ряд факторов, негативно влияющих на его формирование. В их числе – отсутствие идентичных представлений о желаемом будущем даже у интеллектуальной части общества. В массовом сознании также нет запроса на демократическое будущее страны, на отказ от имперских амбиций, что объясняется воздействием пропаганды об особом пути развития России, о предпочтительности силовых способов решения всех проблем. Элиты, чьим предназначением является формулирование желаемого будущего и поиск ответов на вызовы времени, с одной стороны, не способны это делать по причине частого обновления, а с другой – опасаются этим заниматься в силу страха потерять свое высокое положение. Согласно преобладающей точке зрения, у политического руководства страны просто отсутствует желание «смотреть вперед», иметь четкое представление о будущем. Отсюда – замена работы по созданию реальной стратегии симулякрами.

Неопределенность будущего диктует противоположные векторы движения, которые периодически выбирает российская власть: европейский вектор предполагает один образ будущего, евразийский – другой. В этом эксперты усматривают сознательную тактику власти: чем более расплывчат образ, тем проще подгонять под него любые решения. Формированию согласия относительно будущего мешает «отсутствие четкого представления о будущем у правящей политической элиты страны и отсутствие дискурса об этом на общедо- федеральных каналах телевидения и в социальных сетях» (зам. руководителя кафедры столичного вуза, д. полит. н., ЦФО).

Набор причин отсутствия образа будущего широк: внеидеологичность власти, ее инертность; отсутствие согласия по поводу базовых ценностей; стремление правящей элиты бессрочно сохранять власть при отказе от ответственности за благополучие народа и будущее России. В публичном пространстве бурно обсуждается и вызывает серьезное недовольство вывод элитой капиталов и семей в страны Запада, что свидетельствует: в современном российском социуме утрачено представление о единой исторической судьбе.

Другая причина отсутствия согласия в отношении будущего – дефекты коммуникации и, прежде всего, отсутствие дискурса о будущем на телевидении и в социальных сетях, а также очевидные авторитарные тенденции эволюции политического режима России. Один из экспертов сформулировал это так: «Отсутствие конструктивного и творческого

диалога между государством и обществом. Неактуальность в восприятии власти, контролирующей политико-информационное пространство, отсутствие альтернативных концепций развития страны. Увлеченность главы государства внешне-, а не внутривнутриполитической деятельностью» (руководитель кафедры столичного вуза, д. полит. н., СЗФО). Эксперты указывают в этой связи на отсутствие жесткого контроля над реальным, а не формальным (статистическим), выполнением социально значимых поручений президента РФ. Даже в ежегодных посланиях фактически отсутствует анализ выполнения установок предыдущих поручений. Дает о себе знать многолетняя несменяемость топ-менеджмента во власти и пробуксовки в циркуляции элит. Это самым пагубным образом отражается на результатах их деятельности, порождая некомпетентность и эгоизм, отсутствие продуманной экономической политики.

Вместе с тем у экспертов есть претензии и к гражданскому обществу – к слабо проявленному общественному запросу, стереотипам и архаике массового сознания, низкому уровню политической культуры, расколотости российского общества и т.д.

Есть ли ценностный консенсус? На вопрос о наличии в российском обществе ценностного консенсуса и его базовых оснований, разделяемых россиянами, каждый пятый эксперт дал положительный ответ. Степень устойчивости консенсуса по десятибалльной шкале оценена в целом на 5,62 (простая средняя). Содержание ответов показывает, что вопрос был воспринят экспертами в логике оценки текущего момента, смоделированного властью. Отсюда – названный экспертами набор ценностей, энергично продвигаемых в массовое сознание телеканалами и иными СМК: «консервативные, имперско-патриотические, традиционалистские, охранительные ценности»; «патриотизм, империализм, материальное благополучие, безопасность»; «государство, армия, церковь».

Подавляющее большинство экспертов (46 человек) не видят ценностного консенсуса в российском обществе. Один из экспертов отметил: «Наблюдается отсутствие запроса и системного видения ситуации: у всех преобладают или личные, или корпоративные интересы, четкого понимания того, как и зачем жить всем вместе, нет ни у кого» (доцент регионального вуза, к. соц. н., УФО). Диапазон названных экспертами факторов, препятствующих формированию ценностного консенсуса, широк: от культурных факторов («раскол в обществе по идеологическому основанию; отсутствие гражданской идентичности; отсутствие понимания необходимости заключать своеобразный общественный договор, который бы предполагал наличие общих “правил игры”») до политических («фрагментация правящих элит, имеющих диаметрально противоположные интересы и приоритеты», «безответственность, патологическая жажда сверхприбылей, циничное отношение к рядовым гражданам»; «различия интересов у разных элитных групп и органов государственного управления») и т.д. Менее акцентированными, но крайне важными для понимания общей картины выступают социальные факторы: «высокий уровень социального расслоения, разрыв в понимании общественного развития между народом и элитой», «неравенство регионов»; «поляризация в доступе к экономическим ресурсам»; «разрыв в образе жизни, мышлении и ценностях элиты и общества». Эксперты фиксируют также «отсутствие эффективной системы социополитического партнерства и сотрудничества между элитами и большинством общества», «подавление роли науки, безусловная лояльность и т.д.» (профессор столичного вуза, д. соц. н., ЦФО).

Общий вывод таков: для России характерна разнородность и разнонаправленность интересов субъектов формирования внутривнутриполитической повестки, усугубляемая фрагментацией общества, идеологией «агрессивного патриотизма», отсутствием диалога и культуры компромисса между оппозицией и властью. Главным условием изменения сложившейся ситуации экспертам видится прекращение противостояния между субъектами, формирующими повестку.

Какие ценности могут лечь в основу консенсуса? Лидирующую позицию, по мнению экспертов, занимает ценность социальной справедливости, трактуемой не в уравнительном ключе, но как равенство прав и возможностей самореализации граждан; периодическая сменяемость власти на основе честных демократических выборов и т.д.

«Гипотетически это могут быть умеренные социал-демократические или социал-либеральные ценности: “свобода, справедливость, неприкосновенность частной собственности” или “равенство, солидарность, законность”» (руководитель кафедры регионального вуза, д. фил. н., ЮФО).

Как показывает большинство ответов, справедливость трактуется экспертами не только в социально-экономическом плане (справедливость распределения общественного богатства), но гораздо шире, включая все сферы общественной жизни: справедливость, стабильность, безопасность, достойная жизнь, наличие и свобода выбора, доступность образования, государственная поддержка институтов семьи, материнства и детства. Отсутствие консенсуса в базовых ценностях эксперты рассматривают как угрозу внутренней стабильности и внешней безопасности России: «ценности развития и понимание общей опасности в случае краха выработки адекватной внутривнутриполитической повестки»; «прогресс и общее благосостояние, доверие, равноправие, борьба с коррупцией; гуманистические, модернизационные ценности» (независимый консультант, д. полит. н., ДФО).

Приоритетами в оценках экспертов остаются свобода и ответственность, демократические процедуры и институты, приоритет личных и гражданских прав и свобод (в контексте ст. 2 Конституции РФ); уважение закона и прав человека, свобода, конкуренция, формирование гражданского общества; консенсусные события российской истории, диалог России и Запада. Вместе с тем присутствует пессимистический взгляд на существование привлекательных ценностей, способных объединить общество: «Россия остаётся “расколотым обществом” (А.С. Ахиезер), в котором высок уровень социального расслоения по доходам, расходам, различию стилей жизни, логик принятия решений, отношения к власти и властным полномочиям, к природе» (сотрудник столичного научного центра, ЦФО).

Наиболее значимые линии размежевания. Эксперты подчеркнули конфликтогенность российского общества, выделив несколько линий размежевания.

Первое направление размежеваний – по статусу и профилю деятельности элитных групп: «федеральная и региональные элиты; бизнес-элита и политико-управленческая элита»; «либералы» – «силовики»; «глобалисты – изоляционисты»; «централизаторы – децентрализаторы»; «силовики – бизнес, размежевания внутри силовиков, между бизнес-группами и президентом». Механизм внутривнутриэлитной консолидации (относительной) и «внутривидовой» конкуренции представляется экспертам следующим образом: «Внутриэлитные размежевания незначительны, “бунт на корабле” не просматривается. Между тем внутривидовая борьба идет не на жизнь, а на смерть – к примеру, между силовиками и системными либералами. Идет ожесточенная борьба за влияние на президента при принятии управленческих решений, а также за передел денежных потоков. Но борьба эта идет “под ковром”, редко попадая в СМИ» (доцент регионального вуза, к. полит. н., ПФО). Другое измерение внутривнутриэлитных конфликтов – вертикаль «центр/субъекты РФ». Эксперты фиксируют полный «букет» противоречий в этом проблемном поле: «идеологические, географические (принадлежность к конкретному субъекту или региону РФ), субкультурные, демографические (гендерные и возрастные)». В национальных республиках обостряется проблема выбора федеральной элитой кандидатур для управления этими регионами; не ясна судьба предприятий и организаций – основных налогоплательщиков в регионе/населенном пункте; нет согласия относительно средств обеспечения лояльности населения. При этом «интересы населения в реальной (не декларируемой официально) повестке дня отсутствуют». Источниками конфликтов могут стать «лоббизм, борьба за присутствие бизнеса в субъектах РФ, религиозная проблематика» (руководитель кафедры столичного вуза, д. полит. н., СЗФО).

Значимы и внеэлитные размежевания в российском обществе. Для их характеристики экспертам был предложен выбор из предложенного перечня. Лидирующие позиции заняли следующие варианты ответов: социальные размежевания («богатые – бедные»); социокультурные размежевания («индивидуализм – коллективизм», «западничество – третий путь»); политико-территориальные размежевания («центр – субъекты РФ»); политическое размежевание («власть – оппозиция»). Один из экспертов указал в связи

с этим на сословное деление российского общества, отчетливо архаичное для XXI в. *«Важнейшим размежеванием являются существенные различия социальных статусов с прилагающимися привилегиями... Сформированы своеобразные сословия: правоохранители, военные, нефтяники, газовики и др. Но существуют и непривилегированные сословия: служащие частного бизнеса, сельские жители. Между ними сословия с небольшими привилегиями: госслужащие, многодетные семьи, инвалиды. Между всеми этими сословиями – существенные размежевания, которые не преодолеваются»* (сотрудник столичного научного центра, ЦФО).

Следует подчеркнуть, что влияние внутриэлитных размежеваний на формирование внутриполитической повестки России оценивается экспертами заметно выше, чем влияние общественных расколов.

Вес официальной политической повестки. Критический анализ ситуации в российском обществе ставит вопрос о ее причинах и о значимости официальной политической повестки, формируемой президентом и правительством. Ответы экспертов на редкость единодушны и фиксируют негативное отношение к модели и способу функционирования политической системы и политического режима, в России: *«персоналистский характер режима, важность лояльности лидеру для политика/управленца/кандидата», «несменяемость власти, отсутствие конкурентных выборов»; «отсутствие политического плюрализма»; «эффект осажденной крепости», «архаично высокое доверие лидеру»* (профессор столичного вуза, д. полит. н., СЗФО).

Специфика политической системы порождает управленческие изъяны, включая несменяемость топ-менеджмента во власти, принижение роли науки в выработке стратегических решений, слабость механизмов публичной политики и т.д. Отсюда – отмеченный экспертами имитационный характер деятельности ряда институтов, формирующих официальную повестку («влияние официоза»), и слабость публичного подхода к ее разработке.

Высказанные оценки жестко фиксируют характер и цели политического процесса в России. Вновь и вновь эксперты констатируют отказ высшего слоя политической элиты от системных преобразований, консервацию статус-кво в законодательстве и в реальном управлении; отсутствие концепции стратегического развития, декларативность востребованных к реализации положений; неограниченное влияние официального руководства и бюрократии на «вертикаль управления» посредством массовой пропаганды. Официальная (правительственная) повестка формируется, по мнению экспертов, в условиях разрыва коммуникации по линии «власть – общество», когда доминируют имитационные формы политики, происходит подмена общественных интересов личными и корпоративными. Отсутствует единая идеологическая платформа (национальная идея, общественный договор), позволяющие находить компромиссы по принципиальным для общественного единства вопросам, отсутствует диалог с общественностью и механизмы контроля общества за властью, имеет место лишь формальная отчетность.

Вес гражданской повестки. Критические оценки экспертами содержания и механизмов формирования правительственной повестки актуализируют вопрос гражданской повестки – ее содержания, роли в политическом процессе, факторов ее силы или слабости. Политический вес гражданской повестки, по сравнению с официальной, получил гораздо более низкие оценки (рассчитанные как простая средняя) на трех уровнях: разработка стратегии – 4,5; электоральная конкуренция – 4,9; политическое публичное управление – 4,28.

Большинство ответов экспертов адресовано состоянию гражданского общества, характеризующегося *«крайней слабостью, подавлением гражданских инициатив; извечным страхом наших граждан перед собственным государством»*. *«Политика в России делается государством, остальные институты – лишь приводные ремни к нему»* (руководитель кафедры регионального вуза, д. полит. н., ПФО). Гражданские ценности находятся на периферии общественного сознания, гражданское общество пассивно, наблюдается неверие людей в собственные силы, опасение за свое будущее. Сказанное в немалой степени объясняется инфраструктурной слабостью гражданского общества: отсутствием

политического плюрализма; разобщенностью гражданских активистов, имеющих разные интересы и представляющих различные группы; отсутствием либо демобилизованностью потенциального электората оппозиции; слабостью системной оппозиции и т.д.

При строгости оценок эксперты признают, что гражданские активисты неплохо проявляют себя в ряде сфер – можно вспомнить выступления по мусоросжигательным заводам, по долевого строительству, реконструкции жилья и т.п. Однако основные сегменты общества не готовы к публичной деятельности и активности; отсутствуют сложившиеся сильные коллективные акторы формирования политической повестки в условиях атомизированного общества. В результате *«гражданская повестка становится замкнутой, она не нужна ни обществу, ни власти»*.

Помимо прочего, гражданская внутриполитическая повестка, по мнению экспертов, практически не вырабатывается и не артикулируется в поле публичной политики. Более того, в силу существенных размежеваний социальных групп, их статусов, прав и привилегий, гражданская внутриполитическая повестка и не может быть сформирована. *«Поэтому органы власти её фактически игнорируют при выработке стратегий и в политическом управлении. Но в ходе электоральной конкуренции некоторые элементы гражданской повестки используются, чтобы получить голоса избирателей, интересы которых соответствуют этим элементам»* (руководитель кафедры регионального вуза, д. философ. н., ЦФО).

Вес общественной повестки. Общественной повесткой авторы данного исследования называют реальные внутренние проблемы, которые, согласно общественному мнению, власть должна решать в первую очередь, но правительственная повестка либо намеренно игнорирует эти проблемы, либо имитирует их решение, переводя фокус общественного внимания на внешнеполитические победы (реальные или мнимые). Отсюда политический вес «народной» повестки был оценен экспертами еще ниже, чем официальной и гражданской. Средние значения на трех уровнях (разработки стратегии, электоральной конкуренции и политического, публичного управления) составили 4,08, 4,6 и 3,87 балла соответственно. Между тем учет общественной повестки имеет особый смысл как основание того самого единства, которое необходимо российскому обществу.

Экспертами ясно осознается позиция власти, игнорирующей общественный запрос в силу уверенности в слабой консолидации атомизированного российского общества, его неспособности сплотиться для реализации собственных интересов. Иными словами, общественная проблематика значима, но пока не вышла на первые позиции, не сформулирована в качестве объединяющего начала в силу существенных размежеваний социальных групп, их статусов, прав и привилегий. Органы власти ее фактически игнорируют в выработке стратегий и в политическом управлении. Власть слышит общество только в критических ситуациях, связанных с угрозой выживанию политического режима, либо в электоральной гонке. Ситуация статус-кво поддерживается за счет *«политической инерции "партии телевизора", немногочисленности и виртуальности дискурса "партии Фейсбук", электорального абсентеизма»*.

«Органы власти используют общественников в своих интересах. Обычно поддерживаются те проблемы и инициативы, которые не угрожают власти, не имеют конфликтного потенциала и не требуют серьезных ресурсных затрат либо поддержаны какой-либо группой интересов» (руководитель кафедры регионального вуза, д. полит. н., СФО). К тому же в общественной повестке остается сильный запрос на патернализм, повестка аморфна, очагов ее проявления мало, а *«государство стремится контролировать формы общественной деятельности, имеющие политический потенциал, вынуждая общество реагировать на местечковые проблемы»*. В то же время эксперты не исключают постепенного формирования активистской политической культуры и усиления влияния групп давления на политическую систему.

Потребность в формировании стратегии субъектов политического процесса. Предпринятый анализ трех форм внутриполитической повестки выдвигает задачу выявления потребности в формировании стратегии политического развития России. Такая потребность оценена экспертами по десятибалльной шкале в среднем на 8,25 балла.

Потребность гражданского общества в формировании такой стратегии также получила высокую оценку: простая средняя – 7,62 балла. Политическая элита, по мнению экспертов, нуждается в стратегии развития меньше – 6,29 балла. Аутсайдерами оказались политические партии – средняя величина оценки их потребности в формировании стратегии развития составила 5,77 балла.

Согласно экспертным оценкам, существует реальная потребность в стабилизации политических позиций основных акторов, а также в реализации общественных интересов в условиях высокой степени неопределенности внутренней и международной ситуации. Однако в данный момент политическая система в достаточной степени устойчива и проявляет способность к самовывживанию; *«правлящие элиты вполне устраивает существующий статус-кво; нынешние политические партии приспособлены к сложившимся условиям, и их тоже все устраивает»*. Эксперты уверены: правящая элита стремится сохранить систему, гарантирующую ей сохранение власти; она верит в то, что всеисилие силовых структур заставит людей забыть о гражданской активности и требованиях изменить политическую систему. *«В ситуации элитократии опасно допускать народ либо его политически активных, влиятельных представителей к распределению реальной власти. Соответственно, реальная стратегия развития должна скрываться от масс, а фиктивная – рекламироваться в целях обеспечения покорности»* (руководитель кафедры регионального вуза, д. полит. н., ЮФО).

Налицо серьезный разрыв в оценке происходящего между правящей элитой и общественным запросом на перемены. Иными словами, российскому обществу хочется перемен, а элите и режиму – консервации своего положения при «реформаторской» риторике. Поэтому элиты транслируют ту политическую повестку, которая им удобна.

В числе факторов, затрудняющих диалог элиты с гражданским обществом, отмечена *«неопределенность после 2024 г.»*. Эксперты твердо убеждены: формирование повестки важно для сохранения России, однако их не вдохновляет сегодняшняя ситуация, когда *«принимаемые решения обусловлены интересами власти и сложившейся ситуацией и не превращаются в последовательно реализуемый стратегический курс. Эффективность реализуемых социальных проектов мала, их кумулятивный эффект не просматривается (за исключением “бухгалтерской” фиксации статистических показателей)»*. В пропаганде и политической практике партии власти информационная имитация стратегии играет определяющую роль» (руководитель кафедры регионального вуза, д. философ. н., ЮФО).

Конвертация форм повесток и препятствия на этом пути. Очевидно, «конфликт повесток» вряд ли разрешится сам собой, тем более он не способен сыграть позитивную роль в достижении согласия в обществе. Необходима конвертация форм внутривнутриполитической повестки в единую стратегию развития страны.

Среди препятствий, возникающих на этом пути, эксперты назвали политическую систему, в которой дисфункциональны «вход» (политическая социализация, политическое участие, артикулирование и агрегирование) и «выход» (правотворчество и правоприменение). В ней слаба координация действий между акторами, закрыта система выработки официальной повестки и т.д.

Другое серьезное препятствие – характер политического режима, не имеющего традиций обращения к негосударственным и общественным акторам *«за советом»*, *«отсутствие реальных механизмов и запроса на конвертацию со стороны властных институтов; различие между декларируемыми и реальными целями политики»*. Институциональная система не дает возможности формулировать и продвигать общественно значимые инициативы: *«Государство и не предусматривает этого. Все эти “повестки” для него – симулякр и не более...»* (профессор регионального вуза, д. полит. н., ЦФО). Подтверждая эти слова, сопряженность реального управленческого процесса с декларируемой внутренней повесткой эксперты оценили лишь в 4,9 балла.

Что касается гражданской и общественной повесток, конвертации в наибольшей степени препятствует их низкий политический вес, неспособность гражданских активистов объединить людей привлекательными идеями и мобилизовать для участия в публичной

политике. Причины кроются в разрыве содержательных коммуникаций, отсутствии культуры диалога и практик сотрудничества с обществом («низкий профессиональный уровень чиновников и их неспособность коммуницировать с гражданами»), в апатии и неверии, в отсутствии политических традиций, а также реальных механизмов и запроса на конвертацию со стороны властных институтов («высокий вес скрытых непубличных акторов и субъектов политики, которые по-своему формулируют обществу коридор возможностей») (профессор столичного вуза, д. соц. н., ЦФО). Негативным фактором является также отсутствие прозрачных форм коммуникаций, тяготение политики к «шоу-формату». Ситуация усугубляется непубличным характером политического управления, отсутствием стратегического планирования.

Заключение. Данные экспертного опроса фиксируют ряд принципиальных моментов.

Во-первых, большинство экспертов (46 человек) указывают на отсутствие общероссийской внутривластной повестки дня. Среди остальных (8 человек) преобладают те, кто считает, что повестка есть, но для «внутреннего употребления» (т.е. для элит, а не для общества). В этой связи уместно сослаться на мнение А.И. Соловьева, согласно которому власть реализует «скрытую повестку» [Соловьев, 2018: 48], недекларируемые цели, слабо взаимодействующие с общественными ожиданиями. Однако последние все более явственно заявляют о себе, о чем свидетельствуют данные мониторинговых социологических исследований [Петухов, Петухов, 2019].

Во-вторых, авторы исследования не обнаружили резких различий в ответах федеральных и региональных экспертов, молодых и зрелых представителей политологического сообщества. Это свидетельствует, что экспертное сообщество России едино в понимании происходящих негативных процессов и солидарно в предпочтениях желаемого будущего.

В-третьих, опрос проходил в преддверии протестных событий в Москве из-за отказа властей допустить к выборам в Мосгордуму кандидатов от несистемной оппозиции, что вызвало резкую политизацию поведения несогласных. Избыточное силовое давление на протестующих привело к изменению общественно-политической ситуации. Московские и общероссийские замеры общественного мнения фиксируют осуждение относительным большинством россиян (38%) силовых действий полиции и Росгвардии как чрезмерных и политически мотивированных. Уверенность в справедливости действий силовиков выразили лишь 24% опрошенных³. Общественная повестка дня начинает заметно обновляться, включая новые требования: справедливое судопроизводство; заявительный порядок проведения мирных форм выражения гражданского недовольства; неограниченное распространение информации в Интернете; возможность влияния на власть посредством законных демократических процедур; политическое представительство и т.д. Тем самым наметилась тенденция к сближению гражданской и общественной повесток. Вероятно, эта тенденция будет набирать силу, оказывая влияние на правительство и на формирование внутривластной повестки в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Демиденко С.Ю. Российское общество: взгляд в будущее (материалы заочного «круглого стола») // Социологические исследования. 2017. № 6. С. 25–42.
- Желтикова И.В. Образ будущего как образ // Ученые записки Орловского государственного университета. 2013. № 5(55). С. 75–80.
- Задорин И.В., Мальцева Д.В., Петухов В.В. Российское общество – 2020: Экспертный образ будущего // Экономические стратегии. 2016. № 3. С. 32–55.
- Петухов В.В., Петухов Р.В. Запрос на перемены: причины актуализации, ключевые слагаемые и потенциальные носители // Политические исследования. 2019. № 5. С. 119–133.

³ Более трети россиян считают приговоры по «московскому делу» политически мотивированными // Левада-Центр. 2019. 09 октября. URL: <https://www.levada.ru/2019/10/09/boleee-treti-rossiyan-schitayut-prigovory-po-moskovskomu-delu-politicheski-motivirovannymi/> (дата обращения: 29.10.2019).

Романова О.А. Образ будущего в стратегиях развития регионов России // XII Международная конференция «Российские регионы в фокусе перемен». Екатеринбург, 16–18 ноября 2017 г.: Сборник докладов. Екатеринбург: Издательство УМЦ УПИ, 2018. Ч. 1. С. 667–675.

Соловьев А.И. Механизм продвижения общественных интересов и общественная повестка дня // Гражданский сектор государственного управления / Под ред. А.И. Соловьева. М.: Аргамак Медиа, 2018. С. 33–53.

Статья поступила: 26.06.19. Финальная версия: 11.12.19. Принята к публикации: 18.12.19.

SEARCHING FOR THE DESIRABLE FUTURE: INTERNAL POLITICAL AGENDA FOR RUSSIA

GLUKHOVA A.V.*, SIDENKO O.A.*, SOSUNOV D.V.*, SHCHEGLOVA D.V.**

*Voronezh State University, Russia; **National Research University Higher School of Economics, Russia

Alexandra V. GLUKHOVA, Dr. Sci. (Polit.), Chief Researcher, Head of the Department (soc@hist.vsu.ru); Olga A. SIDENKO, Cand. Sci. (Polit.), Assos. Prof. (soc@hist.vsu.ru); Denis V. SOSUNOV, Cand. Sci. (Polit.), Assos. Prof. (soc@hist.vsu.ru). All – the Department of Social and Political Sciences, Voronezh State University, Voronezh, Russia. Daria V. SHCHEGLOVA, Cand. Sci. (Polit.), Researcher, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia (dshcheglova@hse.ru).

Acknowledgements. This article was supported by the Russian Foundation for Basic Research, project No. 19-011-31293.

Abstract. A most urgent issue in Russian public discourse is search for the best future and the way to achieve it. The authors present the results of a Russian expert survey carried out by the project «Domestic Political Agenda as a Unity Factor in Modern Russia». Experts' views on the desired future for Russia, the foundations of value consensus and the problems of building national unity are examined in the paper. The domestic political agenda was analyzed via triple scholarly optics: official (government), civil and public ('people's') agendas, i.e. public request for power. The government and public agendas are the most inharmonious and they need more civil alternatives suggested. The authors note weakness of converting the three forms into each other and the primacy of a foreign policy course, viewing this as a threat to Russia's unity. All experts showed extraordinary unity in the assertion that there is no consolidated agenda in modern Russia.

Keywords: domestic political agenda, official agenda, civic agenda, public agenda, conversion of agendas, expert survey.

REFERENCES

- Demidenko S.Yu. (2017) Russian Society: a Look into the Future (Materials of the Correspondence "Round Table"). *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 6: 25–42. (In Russ.)
- Petukhov V.V., Petukhov R.V. (2019) Request for Change: Reasons for Updating, Key Terms and Potential Carriers. *Polis. Politicheskoye issledovaniya* [Polis. Political Studies]. No. 5: 119–133. (In Russ.)
- Romanova O.A. (2018) The Image of the Future in the Development Strategies of the Regions of Russia. In: *12th International Conference "Russian Regions in the Focus of Changes"*. Yekaterinburg, November 16–18, 2017: A Collection of Reports. Yekaterinburg: Izdatelstvo UMTs UPI. Part 1: 667–675. (In Russ.)
- Soloviev A.I. (2018) The Mechanism for Promoting Public Interests and the Public Agenda. In: Solovyov A.I. (ed.) *Civil Sector of Public Administration*. Moscow: Argamak Media: 33–53. (In Russ.)
- Zadorin I.V., Maltseva D.V., Petukhov V.V. (2016) Russian Society – 2020: An Expert Image of the Future. *Ekonomicheskie strategii* [Economic Strategies]. No. 3: 32–55. (In Russ.)
- Zheltikova I.V. (2013) The Image of the Future as an "Image". *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific Notes of the Oryol State University]. No. 5(55): 75–80. (In Russ.)

Received: 26.06.19. Final version: 11.12.19. Accepted: 18.12.19.